

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И ОБЫДЕННОСТЬ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

УДК 93/94

doi 10.17072/2219-3111-2025-1-154-163

EDN: TLITVW

ASJC 1202

ГРНТИ 03.23.55

Ссылка для цитирования: *Сидорчук И. В.* Чахлый «росток коммунизма»: университетская столовая 1920-х – середины 1930-х годов как место формирования советского студента // Вестник Пермского университета. История. 2025. № 1(68). С. 154–163. DOI: 10.17072/2219-3111-2025-1-154-163. EDN: TLITVW

ЧАХЛЫЙ «РОСТОК КОММУНИЗМА»: УНИВЕРСИТЕТСКАЯ СТОЛОВАЯ 1920-Х – СЕРЕДИНЫ 1930-Х ГОДОВ КАК МЕСТО ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОГО СТУДЕНТА¹

И. В. Сидорчук

Томский государственный университет, 634050, Россия, Томск, пр-т Ленина, 36;
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 195251, Россия, Санкт-Петербург,
ул. Политехническая, 29
chubber@yandex.ru
sidorchuk_iv@spbstu.ru
ResearcherID: H-4865-2016
Scopus Author ID: 57193690516
SPIN-код: 5138-9297

В центре внимания настоящего исследования находится история университетских столовых в 1920-х – середине 1930-х гг., рассмотренных как пространства повседневности, оказывавшие влияние на складывание нового советского «красного» студента. Основными источниками стали материалы периодических изданий Ленинградского, Казанского, Саратовского, Свердловского, Московского и других университетов, в которых проблема организации студенческого питания получила широкое освещение. Были привлечены также архивные материалы, посвященные материально-бытовому положению студенчества, и воспоминания бывших студентов и сотрудников университетов, в которых отражены различные аспекты студенческой жизни. В работе показано, что основные проблемы университетских столовых на протяжении всего рассматриваемого периода оставались в целом неизменными: низкое качество еды, пыль, грязь, несоблюдение элементарных норм гигиены, очереди и пр. К этому добавлялось тяжелейшее материальное положение студентов, которым не хватало денег даже на удовлетворение минимальных жизненных потребностей. Власть старалась канализировать недовольство студентов, перенаправляя его на руководство и сотрудников столовой, представителей органов, ответственных за организацию питания, и даже профессуру. Сложившаяся ситуация во многом отражала процессы, которые происходили в связи с активно проводившейся пролетаризацией высшей школы. Студенты постепенно теряли особый статус и самостоятельную роль в обществе, каковыми обладали в дореволюционный период. Вместо этого они приучались к покорности, унижительному существованию в условиях формализма и неэффективности советских управленческих механизмов, приобретали навыки борьбы за доступ к скудным привилегиям, одной из которых было качественное питание.

Ключевые слова: история университетов, общественное питание, студенчество, пролетаризация, история еды, студенческие столовые.

Исследования пищи стали к настоящему времени одним из наиболее широких научных полей, и разнотипные аспекты «алиментарности» привлекают представителей различных дисциплин [Фаис-Леутская, Новик, 2022, с. 178]. Такой сложный феномен человеческого бытия, как питание, затрагивает все сферы жизнедеятельности – социальную, экономическую, полити-

ческую, духовную и др., что объясняет то внимание, которое уделяется ему в рамках антропологически ориентированной истории. Исключением не является и советский период, где символическое значение пищи четко закреплялось как лозунгом «Мир, земля, хлеб!», в значительной степени обеспечившим большевикам народную поддержку, так и принципом «Кто не работает, тот не ест», впоследствии закрепленным в статье 12 Конституции 1936 г.

В 1919 г. В. И. Ленин назвал «образцовые столовые», наряду с субботниками, чистотой дома и добросовестностью при добыче и распределении хлеба, «ростками коммунизма», требующим ухода (Ленин, 1970, с. 25). В целом организации общественного питания власть стала уделять колоссальное внимание, строя фабрики-кухни, освобождая женщин от «кухонного рабства» и вводя часовые обеденные перерывы. Что касается питания учащейся молодежи, то эта проблема была унаследована с дореволюционных времен, когда для студента еда становилась «самой настоящей» потребностью на протяжении всего периода обучения. Журналист П. К. Иванов, посвятивший в начале XX в. московскому студенчеству серию очерков, главу «О студенческом питании» начал характерной фразой: «Московский студент всегда немножко голоден» (Иванов, 1903, с. 39). Попытки устройства студенческих столовых были неизменной составляющей работы различных землячеств и благотворительных организаций [Грибовский, 2010, с. 162]. Бедность и отсутствие качественного недорогого общественного питания не только портили здоровье, но и дополнительно стимулировали недовольство и поддерживали убежденность в праве борьбы за лучшую жизнь.

В постреволюционных условиях общее экономическое положение, равно как и резкое увеличение численности и состава учащихся, делали вопрос еды еще более злободневным. Это объясняет внимание к нему в работах, посвященных материальному состоянию, быту и повседневности студенчества 1920–1930-х гг. В частности, стоит выделить исследования А. Ю. Рожкова [Рожков, 2014, с. 312–327], С. А. Некрылова и С. Ф. Фоминых [Некрылов и др., 2014], И. Б. Орлова [Орлов, 2012] и Ю. А. Микуленок [Микуленок, 2021]. Рассматривая проблему на примерах вузов различных регионов страны, они приходят к единому выводу о том, что финансовое положение подавляющего числа студентов было близко к катастрофическому, и питание было той самой базовой потребностью, которую зачастую не удавалось полноценно удовлетворить. Большую ценность в рамках настоящего исследования также представляют работы, посвященные социальной стратификации раннесоветского общества. В трудах Е. В. Барышевой, Е. А. Осокиной и Ш. Фитцпатрик показано, что продовольственное распределение было способом социальной дифференциации, а привилегии выражались в доступе к качественному питанию [Барышева, 2009; Осокина, 2008; Фитцпатрик, 2003, с. 133–151]. Одновременно в историографии тема обычно подается лишь как одна из многочисленных иллюстраций студенческой повседневности, но не используется в качестве основы для попыток ответа на более сложные вопросы, в частности для реконструкции процесса формирования нового советского студента. Представляется, что обращение к исследованию практик, повседневных пространств, бюджетов времени и пр. способно стать оригинальным вектором изучения студенчества как особой социальной группы и высшей школы как социального института.

Новизна исследования также во многом определяется источниковой базой, основу которой составила вузовская периодика – издания Ленинградского, Казанского, Саратовского, Свердловского, Московского и других университетов. В них проблема питания получала широкое освещение, публиковались сведения о проверках столовых, попытках администраций их решить и даже студенческое творчество, посвященное этой теме. Авторами заметок были сами студенты, реагировавшие на наиболее злободневные для них вопросы, что дает возможность исследователю надеяться на получение достаточно репрезентативной картины значения питания для учащейся молодежи. Кроме этого, они позволяют четко определить границы допустимой критики и выявить тех, на кого она была направлена. Архивные материалы в основном привлекались для понимания материально-бытового положения студентов, исследования которого регулярно проводились. Также были использованы эго-документы: воспоминания бывших студентов и сотрудников университетов, в которых отражены различные аспекты студенческой повседневности.

Проблему организации студенческих столовых в статье предложено рассмотреть в хронологических границах, включающих годы военного коммунизма, нэп, эпоху индустриализации и отчасти начало времени становления «сталинского консьюмеризма». На наш взгляд, при всех существенных различиях в экономической ситуации, социальном составе студенчества и организации общепита спектр проблем оставался неизменным, равно как и многие пути их решения. При этом стоит учитывать, что в периоды экономических потрясений (первые послереволюционные годы или время первой пятилетки) наблюдалось ухудшение ситуации со студенческим питанием, в отличие от времен относительной стабилизации. Более того, в каждом отдельном вузе ситуация могла отличаться в зависимости от региона или качества управленческих кадров.

Столовые в жизни студента и университетском пространстве – это далеко не только питание. Они также выполняли и продолжают выполнять в современных условиях важную функцию центра общения, своеобразного клуба, места, где обсуждаются насущные дела, закрепляются знакомства, происходит неформальная коммуникация, столь важная для формирования корпоративной культуры [Spiteri, 2015]. В дореволюционном университете в них неизменно начиналась революционная агитация, разбрасывались листовки и прокламации, велись антиправительственные разговоры, что вело к их закрытию и настраивало против них власти (Толстой, 1997, с. 57–59). В условиях начала 1920-х гг., когда еще не было подавлено активное сопротивление большевизму и не завершился процесс пролетаризации высшей школы, эта особенность университетских столовых сохранялась, становясь головной болью уже советских руководителей [Рожков, 2014, с. 199].

Актуальность продовольственной проблемы, откладывание ее решения на неопределенно далекое светлое будущее рождали повышенное внимание к теме еды и даже ее своеобразный культ. Оборудованная, просторная, светлая столовая, где подают вкусные питательные обеды, – неотъемлемая часть идеального завтра, в том числе и безупречной студенческой жизни. Доступ к качественной еде в условиях дефицита и бедности был такой же привилегией, как и одежда, жилье или поездки на отдых в санатории. В вузах она стала одним из символов сегрегации общества по классовому признаку, так как студентам непролетарского происхождения, наряду с отказом в общежитии или стипендии, могли не давать обеда в столовой [Там же, с. 237]. Показательно, что вузы привлекали к себе абитуриентов, в том числе и возможностью полноценно питаться или, по крайней мере, обещанием решения проблемы в ближайшем будущем (За научные кадры, 1935).

Жалобы на столовые и буфеты в различных источниках, освещающих студенческую жизнь, весьма многочисленны. Как было отмечено в газете Ленинградского университета, «студенческая столовка» – это «вечно старая и вечно новая тема», а также «один из самых больных вопросов нашей студенческой жизни» (Не только требовать..., 1931; Даненко, 1929). Если постараться выявить наиболее злободневные и актуальные проблемы студенческих столовых, то первая и, наверное, самая главная будет связана с ними опосредованно. Речь идет об ужасающей бедности большинства студентов, когда на еду просто не хватало денег. Регулярные обследования материально-бытового положения студентов неизменно демонстрировали самые плачевные картины: нехватка одежды и средств к существованию, неблагоприятные жилищные условия (теснота, отсутствие отопления и пр.) (ГАРП. Ф. Р1337. Оп. 45. Д. 1ж. Л. 15).

Не являлась экстраординарной ситуация, когда студенты не ели по несколько дней и ходили по комнатам общежития с просьбами к товарищам им как-то помочь (Домнин, 1924). Чрезвычайно болезненно студенчество реагировало на любое повышение цен на обеды. Оно рушило их и без того шаткий бюджет. Так, в письме Ленинградского областного совета профсоюзов в Ленинградский облисполком от 4 февраля 1929 г. указывалось, что повышение обедов с 1 февраля с 30–35 коп. до 40–45 коп. «сводит на нет то незначительное улучшение материального положения студенчества, которое имелось в связи и повышением размера стипендий» (ЦГА СПб. Ф. Р-2556. Оп. 4. Д. 374. Л. 8).

Не хватало студентам и опыта рационального расходования средств, тем более что хотелось тратить их на развлечения. На это, в частности, обратил внимание писатель Л. Леонов в своей речи 1927 г., посвященной причинам упадочных настроений среди учащейся молодежи,

особенно пьянства: «Это характерно, когда человек, получающий 23 рубля в месяц, живет впроголодь и в день получения стипендии – счастливый день, который нужно “вспрыснуть”. Вспрыснул, стипендию израсходовал в 5–6 дней, а весь м-ц почти голодает» (Упадочное настроение..., 1927, с. 108).

Вторая значимая проблема заключалась в плохом качестве еды. Конечно, если говорить про период военного коммунизма, удачей было само наличие столовой. В Петрограде, например, еще в октябре 1921 г. бывшая университетская столовая оставалась складом, в который она была переоборудована в годы революционного лихолетья (Емва, 1927). Соответствующим было и питание: если верить воспоминаниям П. А. Сорокина, то в столовой, организованной в том же университете, давали «горячую воду с плавающими в ней несколькими кусочками капусты» (Сорокин, 1992, с. 129).

Со временем питание в столовых улучшилось, но ситуация оставалась далеко не такой, какой бы ее хотели видеть студенты. Низкое качество обедов могло подразумевать маленькие порции, гнилые и прокисшие овощи, тухлое или жесткое мясо, которого еще и клали в совсем незначительном количестве, посторонние предметы в еде (Бригада, 1930; Алмаз, 1934; Свидетели, 1928; ЦГА СПб. Ф. Р-1000. Оп. 12. Д. 321. Л. 10 об.) [Рожков, 2014, с. 323]. Например, автор заметки о столовой Казанского университета в 1935 г. подчеркивал, что ситуация улучшилась по сравнению с прошлым годом, но «...питание требует много лучшего. На ужин и завтрак дают только “суп-лапшу”, причем название этого блюда для разнообразия меняют. Утром это блюдо называется “суп-лапша”, а вечером “вермишелевый суп”» (Примак, 1935а). Оправдания руководителей столовой, что нет продуктов на рынке, автор гневно отвергал (Там же).

Сравнительная дешевизна обедов в студенческих столовых обозначала и их низкую питательность. Обследования показывали, что они могли не давать минимума калорий, необходимого для взрослого человека (Копылов, 1930) [Рожков, 2014, с. 323]. На почве ненормального питания происходило ослабление иммунитета и распространялись различные заболевания: анемия, неврастения, худосочие и пр. Студенты были обречены на то, чтобы испортить свое здоровье за годы учебы: «“Заработать” катар, питаясь в студенческих столовках, не трудно. Посмотрите на мясо, посмотрите на хлеб. Первого вам не разжевать, мягкий хлеб в Георгиевке [столовая Московского университета в Георгиевском переулке. – И. С.] увидеть – редкость. Неужели до сих пор нельзя снабдить наши столовки мягким черным хлебом (о белом мы уже не говорим)? Нам кажется – можно. Наличие же такого положения есть не больше не меньше как издевательство над студенчеством. Вероятно, весь черствый хлеб идет в студенческие столовки? <...> Странно как-то слышать, что И МГУ, такой крупнейший вуз, до сих пор не может разрешить вопрос о питании студенчества» (Пора забить тревогу, 1928). Другой столовой МГУ, расположенной на Бронной улице, один студент посвятил стихотворение, где были такие строки: «БРОНКА – мачеха-мать! Ни за что я пропал, / Все с катаром хожу, как отпетый. / А не я-ль твое тухлое мясо жевал, / А не я-ль смаковал винегреты» (Л.Б., 1928).

Неприятное впечатление от столовой оставалось как из-за плохой еды, так и из-за неудовлетворительного санитарного состояния. Борьба за чистоту и гигиену, которую власть стремилась вести во всех пространствах, начиная от крестьянской избы и студенческого общежития и заканчивая школой и чайной, в университетской столовой обычно оказывалась проигранной. Немытая посуда и продукты, нестиранные скатерти и одежда поваров, судомоек и раздатчиков, отсутствие мыла и полотенец у умывальников, пыль и грязь в залах, тараканы и т. п. – вот главные претензии, предъявлявшиеся посетителями (Повысить авангардную роль..., 1935; Бригада, 1930; Легкая кавалерия..., 1929; Дела и дни..., 1931). Например, в столовой Казанского университета была оригинальная проблема с ложками: «...возьмем ложки. Каждому известна их сомнительная чистота, они оставляются сырыми на ночь, вследствие чего к завтраку покрываются слоем окиси, что придает свой “вкус” завтраку. Или, например, были огромные деревянные ложки, краска которых от горячего супа облезает во рту» (Ф.А., 1935). Посетитель столовой Московского университета в 1928 г. указывал на общеизвестную истину, что от такой низменной вещи, как питание, зависит и успех умственной работы: «“Головы и желудки рядом!” – воскликнет хорошо пообедавший человек, “ведь, это же цинизм!”. Увы, ничего циничного в

этом сопоставлении нет; ибо как сказано в писании: – “како пошамаеши, тако и позанимаешся!” – Вот мудрость истинная и вечно современная! <...> Водянистый хлеб крепко приклеивается к грязной и липкой клеенке. О, эта клеенка! Редкая муха доползет до середины ее и не завязнет ножками в мутно-серой жидкости. <...> О тарелках говорить не стоит. Никому так хорошо не известно, как студентам, что чистыми тарелки бывают только в фабричной упаковке. Но столовка не фабрика, а потому и полагается им быть такими, что и свинья долго приняла бы раньше, чем начать есть из них» (*Чечерский*, 1928).

Причиной грязи были не только недоработки администрации и сотрудников, но и большой поток посетителей, часть из которых пренебрегала требованиями соблюдения чистоты. Толкотня, перегруженность столовых – еще одна частая претензия к ним (*Козырев, Карпов*, 1931) [*Рожков*, 2014, с. 324]. Чтобы поесть, требовалось отстоять в длинной очереди, а иногда в нескольких (в гардероб, к кассе, на получение обеда и пр.), что в учебный день гарантировало опоздание на занятия и срыв работы: «Стоят студенты и злятся – вот сколько времени зря убиваем и чего это там смотрят? Начинает казаться, что никто о нас не заботится и не печется» (*Прядилицыков*, 1927; *А.М.*, 1930). Периодически поднимался вопрос о недопуске в столовые посторонних, что должно было способствовать решению проблемы (Повысить авангардную роль..., 1935). Давка и толкотня вели к нарушению порядка, ругани, конфликтам как между посетителями, так и между посетителями и сотрудниками (*Копылов*, 1930).

Эти и другие проблемы столовых старались по возможности решать. Регулярными были обследования, в которых принимали участие сотрудники администрации университета, представители профкомов и студенты (*Бригадир*, 1930). Так называемые «налеты легкой кавалерии», получившие распространение в конце 1920-х гг., позволяли выявить наиболее серьезные недостатки, найти виновных и заставить руководство столовой действовать (*И.Ч.*, 1934; *Легкая кавалерия...*, 1929). По их результатам принимались предложения, например, «воспретить раздатчикам обедов брать руками отпускаемые котлеты, мясо и пр.» или «тщательнее промывать фрукты, идущие в компот» (*Группа «легкой кавал.» ЛГУ*, 1929). Работа столовых обсуждалась на партийных собраниях университета, где выносились постановления, например: «через каждые 5–6 дней менять скатерти на столах», «приобрести графины, приборы для столов», «обставить столовую цветами, портретами и наладить радио» и т. п. (Повысить авангардную роль..., 1935). С сотрудниками столовых велась культурно-просветительская работа: организовывались кружки, проводились экскурсии (*Савельев* и др., 1931).

Для студентов одним из способов решения проблемы питания стала организация коммун. Каждый вносил деньги на еду, присутствовал коллективный контроль над тратами, что не допускало транжирства. В коммунах организовывались столовые [*Willmott*, 2017, р. 70]. Иногда оказывалось дешевле нанимать кухарку, которая к тому же готовила качественнее поваров из столовой (*Р-в А.*, 1929).

При неудачах в решении всех многочисленных проблем закономерно начинался поиск виновных. В условиях царизма этот вопрос решался достаточно просто – совокупная ответственность падала на политический режим, который нужно было свергать. В советских реалиях, на уровне доступного публичного обсуждения, обвинения в неустроенности организации студенческого питания перенаправлялись на тех, кого допускалось открыто критиковать. Такой блеймшифтинг со стороны власти, то есть перевод ответственности и вины на других, был весьма распространенной тактикой, когда речь шла об экономических неурядицах. Как и в случае с нэпманами [*Булдаков*, 2012, с. 438] и «вредителями снабжения» [*Осокина*, 2008, с. 84], агрессия против которых искусственно конструировалась и поддерживалась, в данном случае также нужно было канализировать праведный гнев молодежи.

В ситуации с организацией питания в университетах в первую очередь доставалось руководству и сотрудникам столовых. Их обвиняли в воровстве и жульничестве: завхоз расхищает овощи, кассирша обсчитывает студентов, цены по произволу директора завышаются, главный повар плохо готовит, все игнорируют правила гигиены, расход продуктов не контролируется и т. д. (*И.Ч.*, 1934; *Коган*, 1929; *Примак*, 1935b; *Соцбыт. сектор исполбюро*, 1932). Например, вот что писал возмущенный студент Свердловского университета: «Студенты не напрасно называ-

ют наш буфет “лавочкой”. Этого мало: буфет является теплым местечком приютившейся в нем буфетчицы Пономаревой, которая систематически жульничеством наживалась. Вот конкретные факты. Весь истекший год и целый месяц нового учебного года, Пономарева пользовалась гирей (1 кг), легче ровно на 100 грамм. Уменьшила ее вес она сама, выковыряв plombу. <...> Сайки продавались с наценкой 10–12 копеек. Почти ежедневно буфетчица уносила 500–600 грамм сметаны, “оставшейся” после продажи бутербродов» (*Ж-й Ф.*, 1934). В заключение он предлагал воровку отдать под суд.

Сотрудники и начальство столовой устаивались таких жестких определений, как «ретивые нарпитовцы», «узколобые кооператоры», «бесшабашные экономы» (*А.М.*, 1930). Подобная стилистика явно отсылала к торгашам-нэпманам и спекулянтам, которым тоже приписывали недалекость и неисправимую преступную натуру.

Распространенными были взаимные обвинения в хамстве и грубости: студенты обвиняли работников, и наоборот. Вероятно, в данном случае обе стороны были не без греха. Во всяком случае критика поведения студентов в столовой в источниках встречается регулярно. Например, они оскорбляли сотрудниц, дурачились, шумели, мусорили, воровали столовые приборы и талоны на обед и пр. (*Горностаев*, 1929; *Выдача хлеба на руки...*, 1929; *Вишивцев*, 1927; *Бичевать расхитителей*, 1931).

Показательные обвинения встречаются в период первой пятилетки, когда происходило массовое переселение крестьян в города. Как и на промышленных предприятиях [*Ульянова*, 2016, с. 21], в них видели (и во многом справедливо) культурно отсталых, несознательных и неумелых сотрудников: «Текущий, недавно вышедший из деревни штат рабочих по казенному относится к делу. Производственная дисциплина ниже всякой критики» (*Красный*, 1931). С ними предлагалось проводить последовательную политико-воспитательную работу (*Козырев*, *Карнов*, 1931).

Свою порцию критики получали и ответственные органы – финотделы, крайторги, отделы снабжения и пр. (*Копылов*, 1930). За невнимание и игнорирование недостатков в организации студенческого питания доставалось профсоюзам, а не решавших проблемы администраторов обвиняли в бюрократизме (*Бригадир*, 1930; *А.М.*, 1930).

Чувство голода и постоянное недоедание не лучшим образом сказывались на настроении студентов. В юмористическом рассказе «Почему Петя Казаков ипохондриком стал», опубликованном в 1927 г., нервы у героя сдали именно после посещения студенческой столовой: «Поддали второе. Глянул Петя, вижу – позеленел и трясется, а минуту спустя буйствовать стал. Насилу вывел я его на свежий воздух. Плачет Петя на свежем воздухе, рекой разливается» (*Ветряков*, 1927–1928, с. 61). Молодые люди готовы были ненавидеть и обвинять всех, у кого дела обстояли лучше. Например, в эпоху нэпа в них разгоралась классовая ненависть при взгляде на богатые витрины магазинов [*Рожков*, 2014, с. 325].

Раннесоветский период для высшей школы – это еще и смена культуры взаимоотношений между преподавателем и студентом. Профессора больше не являлись непререкаемыми авторитетами, но потенциальными или реальными врагами советизации и марксизации образования и науки, классово чуждыми «красному» студенчеству, готовому низвергать бывшую элиту университетской корпорации. Несмотря на то что финансовое положение вузовских преподавателей в то время сложно было назвать благополучным, для голодающего студенчества это был совершенно другой уровень жизни. Отсюда обвинения их в черствости и нежелании понять положение учащихся, по-настоящему помогать им. «–А разве студенты имеют детей?» – такие слова некоторых профессоров запали в память молодой мамы, которая нуждалась в яслях и хотела кормить ребенка молоком, кашей и маслом, тогда как денег хватало только на хлеб с горчицей и прочую «собачью радость» (*Мать*, 1929).

Более качественная еда и чистое, красивое место ее принятия выступали определенным социальным маркером преподавателей. Будущие научные работники, аспиранты, отличались от студентов в том числе и тем, что поднимались в этой иерархии потребления на маленькую ступеньку вверх, попрощавшись со студенческой столовой и познакомившись с той, где едят их старшие коллеги. Так, в Ленинграде это была столовая Академии наук, хотя еда там принципиально качеством не отличалась (*Юnius*, 1931).

Недоедание могло восприниматься и со смирением, как неизбежное студенческое испытание, которое при этом должно было окончиться после завершения учебы. Так, мечты студента из Томска о «рагу из барашка с имбирным соусом», о котором он узнал из «Журнала для хозяек», приводят к выводу о возможности требовать от своего товарища угостить его им после выпуска («в память горьких теперешних дней наших») (При. П., 1924). Жизнеутверждающий оптимизм молодости помогал со сравнительной легкостью переносить невзгоды. Убогость столовых и низкое качество еды в них поэтому могло вызывать иронию и насмешки, а не призывы расправиться с виноватыми. Пример такого отношения встречаем в воспоминаниях востоковеда И. М. Дьяконова: «Она [столовая] занимала три смежные комнаты, и над входом из второй в первую был вывешен лозунг: “Превратим кролика в краеугольный камень рабочего питания”. Крольчатины, однако, я что-то там не помню: основным питанием был винегрет с селедкой, что у нас называлось “студенческий силос” или “силосование студенческих кормов”» (Дьяконов, 1995, с. 267).

«Даешь хороший, сытный обед! Даешь четкую работу столовой! Добьемся чистоты скатерти и посуды!» (А.М., 1930) – таков был минимальный набор требований студентов, для которых, как и для всех других людей, питание было жизненно важным и необходимым повседневным занятием. На практике реализовать это удавалось далеко не всегда, ухода «росткам коммунизма» явно не хватало. Грязь, ужасная еда, отсутствие денег и очереди являлись частью студенческой жизни на протяжении всего рассматриваемого периода. Столовая вместо центра отдыха, восстановления сил и просто приятного времяпрепровождения, каковым она и должна являться, подчас была ареной борьбы за еду, местом унижения и приобретения различных заболеваний.

Одной из главных составляющих дискуссии о правильном питании студентов являлся поиск виноватых. Подобная канализация недовольства учащейся молодежи становилась заменой решения, которое так и не было предложено, несмотря на реальные попытки. Объектами обвинения становились те, кого позволялось критиковать: сотрудники и руководство столовых, начальство низового уровня и даже профессора за невнимание к бедственному положению учащихся.

Ситуация с университетскими столовыми, таким образом, во многом отражает те процессы, которые происходили в связи с пролетаризацией высшей школы. Резкое увеличение числа вузов, в том числе появление в городах, где их раньше не было, постоянные изменения университетских порядков, административная чехарда, низкое качество новых советских кадров, политизация всех аспектов жизни и целый ряд других обстоятельств препятствовали стабильному развитию. Негативные последствия этого затронули и столовую, являвшуюся неотъемлемой частью университета.

Советские студенты, в отличие от их столько же бедных и голодных коллег в дореволюционный период, не только постепенно теряли свой особый статус и самостоятельную роль в обществе, но и приучались к покорности, непритязательному быту и обездоленному существованию, что видно на примере ситуации с едой. Испытания, которыми и без того была наполнена их жизнь, включали постоянную необходимость решать проблему питания, думать о примитивном потреблении, а не о высоких революционных идеалах. «Красное» студенчество сталкивалось с расхождением лозунгов и реальности, забюрократизированностью, формализмом, неэффективностью советских управленческих механизмов. Столовая оказывалась одним из пространств, прививающих готовность к конфликту и способствующих появлению навыков борьбы за доступ к привилегиям. К студентам приходило понимание новой социальной иерархии, в которой (и это прекрасно чувствовалось по потребляемой ими еде) они занимали низовое положение.

Примечания

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00048, <https://rscf.ru/project/23-18-00048/>.

Список источников

Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. Р1337. Оп. 45. Д. 1ж. Л. 15.

- Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-2556. Оп. 4. Д. 374. Л. 8; Ф. Р-1000. Оп. 12. Д. 321. Л. 10–11 об.
- А.М. Каждый студент – участник смотра // Студенческая правда. 1930. № 7(44). 30 марта. С. 1.*
- Алмаз. Улучшить работу столовой // За научные кадры. 1934. № 2. 26 ноября. С. 1.*
- Бичевать расхитителей // Ленинец. 1935. № 1(9). 5 января. С. 2.*
- Бригада. Массы к смотру не привлечены // Студенческая правда. 1930. № 8(45). 9 апреля. С. 1.*
- Бригадир. Мертвецы из бригады // За пролетарские кадры. 1930. 15 мая. № 4. С. 2.*
- Ветряков Н. Почему Петя Казаков ипохондриком стал // Красное студенчество. 1927–1928. № 2. С. 60–62.*
- Вишивцев Д. «Где ты пропала, кляча?...» // Товарищ. 1927. № 9(53). 25 февраля. С. 4.*
- Выдача хлеба на руки дает экономии. Почему отменены скидки на обеды? (Беседа с зав. столовой «Красный Студент») // Студенческая правда. 1929. 15 февраля. № 2-3(21-22). С. 7.*
- Горностаев В. Кисельное состязание // Студенческая правда. 1929. № 6-7(25-26). 29 марта. С. 8.*
- Группа «легкой кавал.» ЛГУ. Наши предложения // Студенческая правда. 1929. 15 февраля. № 2-3(21-22). С. 7.*
- Даненко. Мы питаемся ненормально // Студенческая правда. 1929. 7 ноября. № 16(35). С. 5.*
- Дела и дни столовой № 8. Тараканы сотрудники... // Ленинградский университет. 1931. № 2(75). 18 сентября. С. 4.*
- Домнин И. Путешествие по комнатам // Рабочий студент. 1924. № 2. С. 58–59.*
- Дьяконов И.М. Книга воспоминаний. СПб.: Европейский дом, 1995. 770 с.*
- Емва Г. В тяжелый год (отрывки из дневника студента) // Студенческая правда. 1927. № 1. 7 ноября. С. 2–3.*
- Ж-й Ф. Буфет – спекулятивная лавочка // За научные кадры. 1934. 27 сентября. № 2. С. 4.*
- За научные кадры. 1935. № 10. 23 июня. С. 2.*
- И.Ч. Улучшать качество обедов! // За научные кадры. 1934. № 2. 27 сентября. С. 4.*
- Иванов П. Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы. Очерки. М.: Тип. Штаба Моск. воен. округа, 1903. 296 с.*
- Коган Р. Неприятного аппетита или пойдемте пообедаем // Студенческая правда. 1929. 15 февраля. № 2-3(21-22). С. 7.*
- Козырев, Карнов. Столовая – цех Университета // Ленинградский университет. 1931. № 6(79). 19 октября. С. 4.*
- Копылов Д. «Студент слопаёт все» // За пролетарские кадры. 1930. № 4. 15 мая. С. 2.*
- Красный. «Дела» столовой // Ленинградский университет. 1931. № 16(69). 9 апреля. С. 4.*
- Л.Б. Кормилица Бронка // Первый университет. 1928. № 4(9). 10 марта. С. 4.*
- Легкая кавалерия ЛГУ в столовой // Студенческая правда. 1929. 15 февраля. № 2-3(21-22). С. 7.*
- Ленин В.И. Великий почин (О героизме рабочих в тылу. По поводу «Коммунистических суб-ботников») // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1970. С. 1–29.*
- Мать. Нам трудно, мы изнемогаем (письмо матери) // Студенческая правда. 1929. № 2-3(21-22). 15 февраля. С. 6.*
- Не только требовать, но и помогать // Ленинградский университет. 1931. № 6-7(59-60). 1 января. С. 1.*
- Повысить авангардную роль коммуниста и комсомольца // За научные кадры. 1935. № 4. 8 марта. С. 3.*
- При. П. Дискуссия о... еде // Рабочий студент. 1924. № 2. С. 55.*
- Примаков Т. О прелестях столовой // Ленинец. 1935a. № 11(19). 7 сентября. С. 2.*
- Примаков. О наших хозяйственниках, гнилой картошке и качестве обедов (по материалам обследования) // Ленинец. 1935b. № 19(27). 11 декабря. С. 2.*
- Прядилицыков. Столовка // Первый университет. 1927. № 3. 5 октября. С. 5.*
- Р-в А. Коммуна двадцати одного // Студенческая правда. 1929. № 8(27). 17 апреля. С. 6.*
- Савельев И. и др. Ударному вузу – ударную столовую! Результаты обследования // Ленинградский университет. 1931. № 13(68). 2 декабря. С. 2.*
- Свидетели. Индустриализация мяса // Первый университет. 1928. № 7(12). 11 октября. С. 5.*
- Сорокин П.А. Дальняя дорога: автобиография. М.: Моск. рабочий; ТЕРРА, 1992. 303 с.*

Соцбыт. сектор исполбюро. Студенческое питание – под суд // За пролетарские кадры. 1932. № 28(166). 23 сентября. С. 4.
Толстой И.И. Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого. 31 октября 1905 г. – 24 апреля 1906 г. М.: Греко-латинский кабинет, 1997. 338 с.
Упадочное настроение среди молодежи. Есенинщина. М.: Изд-во Коммун. акад., 1927. 160 с.
Ф.А. Еще о столовой // Ленинец. 1935. № 9(17). 2 июня. С. 2.
Чечерский Л. Пожалейте здоровые желудки (Снова о том же самом) // Первый университет. 1928. № 7(12). 11 октября. С. 5.
Юниус В. О подготовке кадров. Довести план до нового аспиранта // Ленинградский университет. 1931. № 7(80). 26 октября. С. 4.

Библиографический список

Барышева Е.В. Продовольственное распределение как способ политической стратификации советского общества // Российская политика XXI века: неполитический потенциал политического: материалы Междунар. научной конф. М.: РГГУ, 2009. С. 143–152. EDN: RWSWHN.
Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М.: РОССПЭН, 2012. 759 с.
Грибовский М.В. Профессура и студенчество в предреволюционном российском университете: грани взаимоотношений // Вестник Том. гос. ун-та. 2010. № 4(12). С. 158–166. EDN: NBVSRJ.
Микуленок Ю.А. Материальное положение студенчества в раннесоветский период // Вестник Тамбов. ун-та. Гуманитарные науки. 2021. Т. 26, № 190. С. 184–190. DOI: 10.20310/1810-0201-2021-26-190-184-190. EDN: PYOTQR.
Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Шандала Д.Е. Студенты медицинского факультета Томского государственного университета (1920–1930 гг.) // Сибирский медицинский журнал. 2014. Т. 29, № 2. С. 91–98. EDN: TWKRFV.
Орлов И.Б. «Мы грызем гранит науки, нас грызет нужда!» (Материальное положение студенчества 1920-х годов) // Духовность. 2012. № 2. С. 67–100.
Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации: 1927–1941. М.: РОССПЭН, 2008. 384 с.
Рожков А.Ю. В кругу сверстников: жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 640 с.
Ульянова С.Б. Трудовые ресурсы советского индустриального проекта (вторая половина 1920-х – начало 1930-х годов) // Науч.-техн. ведомости С.-Петерб. гос. политехн. ун-та. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 4(255). С. 19–25. DOI: 10.5862/JHSS.255.2. EDN: XQXLGZ.
Фаис-Леутская О.Д., Новик А.А. Антропология питания как мета- и мегадисциплина: алиментарные практики, глобальные вызовы и конструирование имиджа // Антропологический форум. 2022. № 53. С. 177–194. DOI: 10.31250/1815-8870-2022-18-53-177-194. EDN: SUWASZ.
Фитцпатрик Ш. «Приписывание к классу» как система социальной идентификации // Россия и современный мир. 2003. № 2(39). С. 133–151.
Spiteri D. Student Interactions at a College Canteen: a Critical Perspective // Ethnography and Education. 2015. Vol. 10, no. 1. P. 28–41. DOI: 10.1080/17457823.2014.924860.
Willmott A. Living the Revolution. Urban Communes & Soviet Socialism, 1917–1932. Oxford: Oxford University Press, 2017. 256 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198725824.001.0001.

Дата поступления рукописи в редакцию 03.04.2024

THE STUNTED “GERM OF COMMUNISM”: THE UNIVERSITY CANTEEN IN THE 1920s AND MID-1930s AS A PLACE FOR THE FORMATION OF SOVIET STUDENTS

I. V. Sidorchuk

Tomsk State University, Lenin av., 36, 634050, Tomsk, Russia

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Politechnicheskaya str., 29, 195251, St. Petersburg, Russia
sidorchuk_iv@spbstu.ru

ResearcherID: H-4865-2016
Scopus Author ID: 57193690516
SPIN: 5138-9297

The article examines the history of university canteens in the 1920s and mid-1930s, focusing on their role as a space of everyday life that influenced the formation of a new “red” Soviet student. The main sources used for the research were materials from corporate periodicals of Moscow, Leningrad, Kazan, Saratov, Sverdlovsk, and other universities, which often discussed the issue of student meals. Archival materials devoted to the living and financial situation of students were also involved, as well as memoirs from former students and university professors describing various aspects of student daily life. As a result of the conducted research, it was established that the main problems of university canteens throughout the period under review remained unchanged. Poor food quality, dirt, non-compliance with basic hygiene standards, long queues, and difficult financial situation were the issues that students faced. The authorities tried to redirect the students’ dissatisfaction towards the management and staff of the canteens, representatives of the bodies responsible for catering, and even professors. This situation largely reflected the processes associated with the actively conducted “proletarianization” of university education. Soviet “red” students gradually lost special status and unique role in society that students possessed in the pre-revolutionary period. Instead, they became submissive and learned to exist in humiliating conditions caused by formalism and inefficiency of Soviet management mechanisms. They also acquired fighting skills and access to meager privileges, including access to high-quality food.

Key words: history of universities, public catering, students, proletarianization, history of food, student canteens.

Acknowledgments

¹ The reported study was funded by Russian Science Foundation, project № 23-18-00048, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00048/>.

References

- Barysheva, E. V. (2009). Food distribution as a way of political stratification of Soviet society. In *Rossiyskaya politika XXI veka: nepoliticheskiy potentsial politicheskogo* [Russian politics of the 21st century: The non-political potential of the political] (pp. 143–152). RGGU.
- Buldakov, V. P. (2012). *Utopiya, agressiya, vlast': Psikhosotsial'naya dinamika postrevolyutsionnogo vremeni. Rossiya, 1920–1930 gg.* [Utopia, aggression, power: The psychosocial dynamics of the post-revolutionary period. Russia, 1920–1930]. ROSSPEN.
- Fais-Leutskaya, O. D., & Novik, A. A. (2022). Anthropology of nutrition as a meta- and megadiscipline: Alimentary practices, global challenges and image construction. *Antropologicheskii forum*, 53, 177–194.
- Fitzpatrick, S. (2003). “Attribution to class” as a system of social identification. *Neprikosnovennyi zapas*, 2(39), 133–151.
- Gribovskii, M. V. (2010). Professorship and studentship at the pre-revolutionary Russian University: The facets of relationships. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4(12), 158–166.
- Mikulenok, Yu. A. (2021). The financial situation of students in the early Soviet period. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 26(190), 184–190.
- Nekrylov, S. A., Fominykh, S. F., & Shandala, D. E. (2014). Students of the Medical Faculty of Tomsk State University (1920–1930). *Sibirskiy meditsinskiy zhurnal*, 29(2), 91–98.
- Orlov, I. B. (2012). “We are gnawing at the granite of science, need is gnawing at us!” (The financial situation of the students of the 1920s). *Dukhovnost'*, 2, 67–100.
- Osokina, E. A. (2008). *Za fasadom “stalinskogo izobil'ia”: Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii, 1927–1941* [Behind the facade of “Stalin’s abundance”: Distribution and market in the supply of the population during the years of industrialization, 1927–1941]. ROSSPEN.
- Rozhkov, A. Yu. (2014). *V krugu sverstnikov: Zhiznennyi mir molodogo cheloveka v Sovetskoy Rossii 1920-kh godov* [In the circle of peers: The life world of a young man in Soviet Russia of the 1920s]. NLO.
- Spiteri, D. (2015). Student interactions at a college canteen: A critical perspective. *Ethnography and Education*, 10(1), 28–41. <https://doi.org/10.1080/17457823.2014.959489>
- Ulyanova, S. B. (2016). Labor resources of the Soviet industrial project (the second half of the 1920s – early 1930s). *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [St. Petersburg Polytechnic University Journal: Humanities and Social Sciences], 4(255), 19–25.
- Willmott, A. (2017). *Living the revolution: Urban communes & Soviet socialism, 1917–1932*. Oxford University Press.